



А. БАЛУЕВА

«Светлый путь. 19.17», или Чудовище Ленин в театре Табакова

Sobesednik.ru побывал в МХТ имени Чехова на спектакле «Светлый путь. 19.17», посвященный событиям столетней давности.

Государство у нас по поводу столетия Октября как в рот воды набрало, а вот МХТ имени Чехова выпустил объемистый, на 2,5 часа, фантазмагорический портрет ушедшей (ушедшей ли?) эпохи, ее реалий и мифов.

«Светлый путь. 19.17» поставил 25-летний Александр Молочников¹, «непоротое поколение 90-х», как сказано во мхатовском анонсе. Обошлось без тяжелых рефлексий, но энергии, веселья и гротеска здесь едва ли не больше, чем в двух предыдущих его режиссерских работах, «19.14» и «Бунтарях».

Итак, в декорациях, напоминающих и тоннель метро, и Дворцовую площадь, рабочий Макар (Артем Быстров) влюбляется в Веру (Виктория Исакова), которая учит балерин и цитирует классиков. Макар идет с чайником за водой и встречает Ленина, Троцкого и Крупскую, и эта троица делает из Макара коммунистическую машину с железным сердцем-светофором. Он теперь умеет «выпекать хлеб из живота» и ждет сметаны из облаков (эта сметана — лейтмотив спектакля), обещанной Лениным, который ему телефонирует прямо в голову.

Ленина, перерождающегося позже в Сталина, играет Игорь Верник². Получился дьявольский персонаж, который при этом не выглядит привычным ряженым — никакого грима, париков, картастей, усов и френчей, — и почему-то эта отстраненность Верника нагоняет жути. Сам Ленин побаивается свою пассионарную на всю голову Наденьку (Ирина Пегова), страшноватую прародительницу особого типа советских женщин. Эти трое жут-

ко похожи на циничных ведущих телешоу, сочиняющих реальность для целой страны.

Здесь есть еще одна «машина любви» — Александра (Коллонтай играет Паулина Андреева), которая ломается и выносится на помойку, но предварительно портит жизнь басу-профундо, любимцу Императорских театров (Алексей Вертков в барском халате), которого уплотнили, подселив к нему банду пролетарок в белых боевых бюстгальтерах на волосатых мужественных грудях. Они требуют исполнения декрета о всеобщей любви, но бас совокупляться категорически не желает.

Веселье постепенно наполняется ужасом: Макар, обзаведясь крыльями, передушил кулаков, истреблен младенец Голицыной, и, наконец, Сталин заводит свою людоедскую считалочку: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...», под которую персонажи, согнувшись пополам с руками за спиной, один за другим вливаются в мертвецкую шеренгу.

Все это было давно, да и вся эта антиутопия оказалась сном Веры и Макара, но, проснувшись, Макар снова берет свой чайник и снова идет за водой.

